

ГЛАВА XXI.

Доктор Лите предложил нам посвятить следующее утро осмотру школ и колледжей города с некоторой попыткой с его стороны объяснить систему образования двадцатого века.

"Вы увидите, - сказал он, когда мы отправились в путь после завтрака, - много очень важных различий между нашими методами обучения и вашими, но главное отличие заключается в том, что в настоящее время все люди в равной степени имеют те возможности получения высшего образования, которыми в ваше время пользовалась лишь бесконечно малая часть населения. Мы должны думать, что не добились бы ничего, о чем стоило бы говорить, уравнивая физический комфорт людей, без этого равенства в образовании".

"Цена, должно быть, очень велика", - сказал я.

"Если бы на это ушла половина доходов страны, никто бы на это не жаловался, - ответил доктор Лите, - и даже если бы на это ушло все, кроме жалких грошей. Но на самом деле расходы на обучение десяти тысяч молодых людей не в десять и не в пять раз больше, чем на обучение одной тысячи. Принцип, который делает все операции в больших масштабах пропорционально дешевле, чем в малых, применим и к образованию [эффект масштаба прим. пер.]".

"В мое время обучение в колледже было ужасно дорогим", - сказал я.

"Если наши историки не ввели меня в заблуждение, - ответил доктор Лите, - то так дорого обошлось не обучение в колледже, а распутство и расточительность в колледже. Фактические расходы ваших колледжей, по-видимому, были очень низкими и были бы намного ниже, если бы их покровительство над количеством учащихся было больше.

Высшее образование в настоящее время так же дешево, как и низшее, поскольку все классы школьного образования и высшее образование интегрированы. А учителя, как и все другие работники, получают одинаковую поддержку. Мы просто добавили к обычной школьной системе обязательного образования, вошедшей в моду в Массачусетсе сто лет назад, полдюжины высших классов, доведя юношу до двадцати одного года и дав ему то, что вы привыкли называть образованием джентльмена, вместо того, чтобы отпускать его на волю в четырнадцать или пятнадцать лет без каких-либо умственных способностей, кроме чтения, письма и таблицы умножения."

"Оставляя в стороне фактическую стоимость этих дополнительных лет обучения, - ответил я, - мы не могли и думать, что мы можем позволить себе потерю времени из-за занятий в колледже. Мальчики из бедных классов обычно начинали работать в шестнадцать или младше, а в двадцать уже знали свое дело."

"Настоящее время не уступает вашему даже в этом вопросе", - ответил доктор Лите. "Большая эффективность, которую образование придает всем видам труда, за исключением самого грубого, за короткий период компенсирует время, потерянное на его освоение".

"Нам также следовало бы опасаться, - сказал я, - что высшее образование, хотя и адаптирует людей к профессиям, настроит их против физического труда всех видов".

"Я читал, что таков был эффект высшего образования в ваше время", - ответил доктор; "И это было неудивительно, поскольку ручной труд означал общение с грубым, неотесанным и невежественным классом людей. Сейчас такого класса нет. Тогда было неизбежно, что такое чувство должно было существовать, еще по той причине, что считалось, что все люди, получающие высшее образование, предназначены для умственных профессий или для богатого

досуга. И такое образование у того, кто не был ни богатым, ни прозорливым, было доказательством разочарованных устремлений, свидетельством неудачи, знаком скорее неполноценность, чем превосходства.

В наши дни, когда высшее образование считается необходимым для того, чтобы человек мог просто жить, без какой-либо привязки к роду работы, которую он может выполнять, его обладание не подразумевает ничего подобного".

"В конце концов, - заметил я, - никакое образование не может вылечить природную тупость или восполнить изначальные умственные недостатки. Если только средние природные умственные способности граждан ненамного превышают их уровень в мое время, то высшее образование должно быть практически выброшено на ветер значительной частью населения. Мы привыкли считать, что для того, чтобы разум был достоин культивирования, требуется определенная восприимчивость к образовательным воздействиям, точно так же, как требуется определенное естественное плодородие почвы, чтобы она окупала возделывание".

"Ах, - сказал доктор Лите, - я рад, что вы использовали эту иллюстрацию, потому что это именно та иллюстрация, которую я бы выбрал для изложения современного взгляда на образование. Вы говорите, что если земля настолько бедна, что продукт не окупит труд по обработке, то не стоит и возделывать. Тем не менее, большая часть земли, которая не начинает окупать обработку своим продуктом, была обработана в ваше время и есть в наше. Я имею в виду сады, парки, газоны и, в целом, участки земли, расположенные таким образом, что, если бы их оставили зарастать сорняками и шиповником, они были бы бельмом на глазу и доставляли неудобства окружающим.

Поэтому они обрабатываются, и хотя их продукция невелика, пока еще нет земли, которая в более широком смысле лучше окупала бы возделывание. Так и с мужчинами и женщинами, с которыми мы общаемся в обществе, чьи голоса всегда звучат в наших ушах, чье поведение бесчисленными способами влияет на наше удовольствие, — которые, по сути, являются такими же условиями нашей жизни, как воздух, которым мы дышим, или любой из физических элементов от которого мы зависим.

Если бы мы действительно не могли позволить себе дать образование всем, нам следовало бы выбрать самых грубых и тупых по натуре, а не самых умных, чтобы получить то образование, которое мы могли бы дать. Люди от природы утонченные и интеллектуальные могут лучше обходиться без вспомогательных средств для развития культуры, чем те, кому повезло меньше с природными дарованиями.

Позаимствую фразу, которая часто использовалась в ваше время, мы не сочли бы жизнь стоящей того, чтобы жить, если бы нас окружало население невежественных, невоспитанных, грубых, совершенно некультурных мужчин и женщин, как это было в бедственном положении немногих образованных в ваше время. Удовлетворен ли человек тем, что он сам надушился, смешиваясь с дурно пахнущей толпой только потому, что он сам надушен? Мог ли он получить нечто большее, чем очень ограниченное удовлетворение, даже в роскошных апартаментах, если окна со всех четырех сторон выходили во двор конюшни? И все же именно таково было положение тех, кого в ваше время считали наиболее удачливыми в плане культуры и утонченности.

Я знаю, что бедные и невежественные тогда завидовали богатым и культурным; но нам последние, живущие так, как они жили, окруженные нищетой и жестокостью, кажутся немногим лучше первых. Культурный человек в вашем возрасте был подобен тому, кто по горло увяз в тошнотворном болоте, утешая себя бутылкой с нюхательным спиртом.

Возможно, теперь вы видите, как мы смотрим на этот вопрос о всеобщем высшем образовании. Ничто так не важно для каждого гражданина, как иметь в соседях умных, общительных людей. Следовательно, нация ничего не может сделать для него, что бы так сильно увеличило его собственное счастье, как просвещение его соседей. Когда это не удастся, ценность его собственного образования для него снижается наполовину, и многие вкусы, которые он культивировал, становятся позитивными источниками боли – доктор перевел дыхание, и продолжил:

Чтобы воспитать некоторых в высшей степени и оставить массу совершенно необразованной, как это сделали вы, разрыв между ними стал бы почти таким же, как между различными природными видами, у которых нет средств коммуникации. Что может быть более бесчеловечным, чем это следствие частичного наслаждения образованием! Его всеобщее и равное пользование действительно оставляет различия между людьми в отношении природных дарований такими же заметными, как и в естественном состоянии, но уровень низших значительно повышается. Грубость устранена. Все они имеют некоторое представление о гуманитарных науках, в некоторой степени ценят то, что связано с разумом, и восхищаются еще более высокой культурой, которой им не хватает.

Они стали способны получать и делиться, в разной степени удовольствиями и вдохновением утонченной социальной жизни. Культурное общество девятнадцатого века — из чего оно состояло, как не из нескольких микроскопических оазисов в обширной, нетронутой дикой местности? Доля индивидуумов, способных к интеллектуальным симпатиям или утонченному общению, в общей массе их современников раньше была настолько бесконечно мала, что в любом широком представлении о человечестве едва ли заслуживала упоминания. Одно поколение современного мира представляет собой больший объем интеллектуальной жизни, чем когда-либо было за любые пять столетий до этого.

"Есть еще один момент, который я должен упомянуть, излагая основания, на которых сейчас можно мириться ни с чем иным, как с универсальностью наилучшего образования, - продолжил доктор Лите, - и это заинтересованность подрастающего поколения в том, чтобы у него были образованные родители. Кратко говоря, есть три основания, на которых зиждется наша система образования: во-первых, право каждого человека на самое полное образование, которое нация может ему дать за его собственный счет, необходимое для его самореализации. во-вторых, право его сограждан давать ему образование, необходимое для того, чтобы они могли наслаждаться его обществом; в-третьих, право не рожденного ребенка на гарантированное интеллектуальное и утонченное происхождение".

Я не буду подробно описывать то, что я увидел в школах в тот день. Поскольку в своей прошлой жизни я проявлял лишь незначительный интерес к вопросам образования, я мог бы предложить несколько интересных сравнений. Помимо факта универсальности как высшего, так и низшего образования, меня больше всего поразило значение, придаваемое физической культуре, и тот факт, что мастерство в спортивных достижениях и играх, а также в заинтересованность в соревнованиях занимали лидирующее место в рейтинге молодежи.

"Факультет образования, - объяснил доктор Лите, - несет такую же ответственность за тела, как и за умы своих подопечных. Максимально возможное физическое, а также умственное развитие каждого человека является двойной целью учебной программы, которая длится с шести до двадцати одного года."

Великолепное здоровье молодых людей в школах произвело на меня сильное впечатление. Мои предыдущие наблюдения не только за выдающимися личными способностями семьи моего хозяина, но и за людьми, которых я видел во время своих прогулок снаружи дома, уже

наводили на мысль, что, должно быть, произошло что-то вроде общего улучшения физического уровня расы с моего времени, и теперь, когда я сравнил этих крепких юношей и свежих, энергичных девушек с молодыми людьми, которых я видел в школах девятнадцатого века, я был тронут желанием поделиться своей мыслью с доктором Литом. Он с большим интересом выслушал то, что я сказал.

"Ваше свидетельство по этому вопросу, - заявил он, - бесценно. Мы считаем, что произошло такое улучшение, о котором вы говорите, но, конечно, для нас это может быть только вопросом теории. Это случай вашего уникального положения, что вы единственный в современном мире можете авторитетно говорить по этому вопросу. Ваше мнение, когда вы выскажете его публично, я уверяю вас, произведет глубокую сенсацию. В остальном, конечно, было бы странно, если бы полное социальное равенство не показала улучшения. В ваше время богатство развращало один класс праздностью ума и тела, в то время как бедность подрывала жизненные силы масс из-за переутомления, плохой еды и заразных домов.

Труд, требующийся от детей, и бремя, возложенное на женщин, ослабили сами источники жизни. Вместо этих пагубных обстоятельств все теперь наслаждаются самыми благоприятными условиями физической жизни; молодежь тщательно воспитывается и о ней прилежно заботятся; труд, который требуется от всех, ограничен периодом наибольшей физической силы и никогда не бывает чрезмерным.

Беспокойство о себе и своей семье, беспокойство о средствах к существованию, напряжение непрерывной борьбы за жизнь — все эти влияния, которые когда-то так сильно разрушали умы и тела мужчин и женщин, больше не известны. Конечно, за таким изменением должно последовать улучшение вида. В некоторых конкретных отношениях мы действительно знаем, что улучшение имело место. Безумие, например, которое в девятнадцатом веке было столь ужасно распространенным продуктом вашего безумного образа жизни, почти исчезло вместе со своей альтернативой - самоубийством."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2778537>